

КРОКОДИЛ

№ 8 (1694) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 20 МАРТА 1963

— Речь этого оратора можете не записывать. Он целиком повторяет предыдущего.

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

КОЛЮЧИЕ ДАРЫ

Западные политики любят жаловаться, что их «помощь» слаборазвитым странам совершенно не достигает желаемого пропагандистского эффекта. Мало того, в большинстве случаев местному населению вообще о ней ничего не известно. Объяснить это нетрудно: заокеанские доллары расходуются на скромные, малозаметные и недостаточно выигрышные с пропагандистской точки зрения мероприятия.

Само собой понятно: когда изрядные суммы долларов переводятся в укромные сейфы швейцарских банков на имя слаборазвитых диктаторов или миллионеров, — эта операция не сопровождается громкой рекламой и пышными торжествами. Премьер-министр не разрезает красную ленту у входа в местное почтовое отделение, а фотографии газет и телеграфных агентств не щелкают аппаратами, нацеливаясь на мешок с украденными деньгами.

Даже если доллары и не уплывают в тихую заводь европейских и американских банков, а превращаются на местах в черные «роллс-ройсы» или «кадиллаки» все для той же знати, — опять-таки об этом не пишут в газетах и не сообщают по радио.

Но вот наконец после долгих и безуспешных стараний лучших политических умов западного мира сделать свою «помощь» заметной для простого народа телеграф принес известие о потрясающем открытии австралийских филантропов. Именно они, а не специалисты госдепартамента США или английского Форин оффиса разрешили, казалось бы, неразрешимую задачу.

Но дадим слово телеграфу. Корреспондент агентства Франс Пресс передает из Сайгона: «В рамках программы помощи Австралия поставляет в Южный Вьетнам главным образом колючую проволоку. До настоящего времени уже поставлено свыше тысячи трехсот тонн колючей проволоки».

Вы представляете, какая это простая и в то же время плодотворная идея — посылать в качестве «помощи» колючую проволоку? Ее уже не переправляют в банковские сейфы и не используют для благоустройства вилл местных богачей. Нет, целиком и полностью она предназначена для простого народа. Ведь колючей проволокой в Южном Вьетнаме огораживают под маркой борьбы с партизанами сотни деревень и концентрационных лагерей. Десятки тысяч людей смогут теперь собственными глазами убедиться, что иностранная помощь все-таки существует, несмотря на все разговоры. Они смогут даже пощупать колючую проволоку руками!

Причем, надо думать, австралийские благодетели на каждый кусок проволоки привезут табличку с надписью на вьетнамском языке: «В дар от австралийского правительства».

И дети, стоя за колючей оградой, будут учить алфавит по этим биркам и проливать слезы умиления при мысли о щедрости и широте души далеких благодетелей.

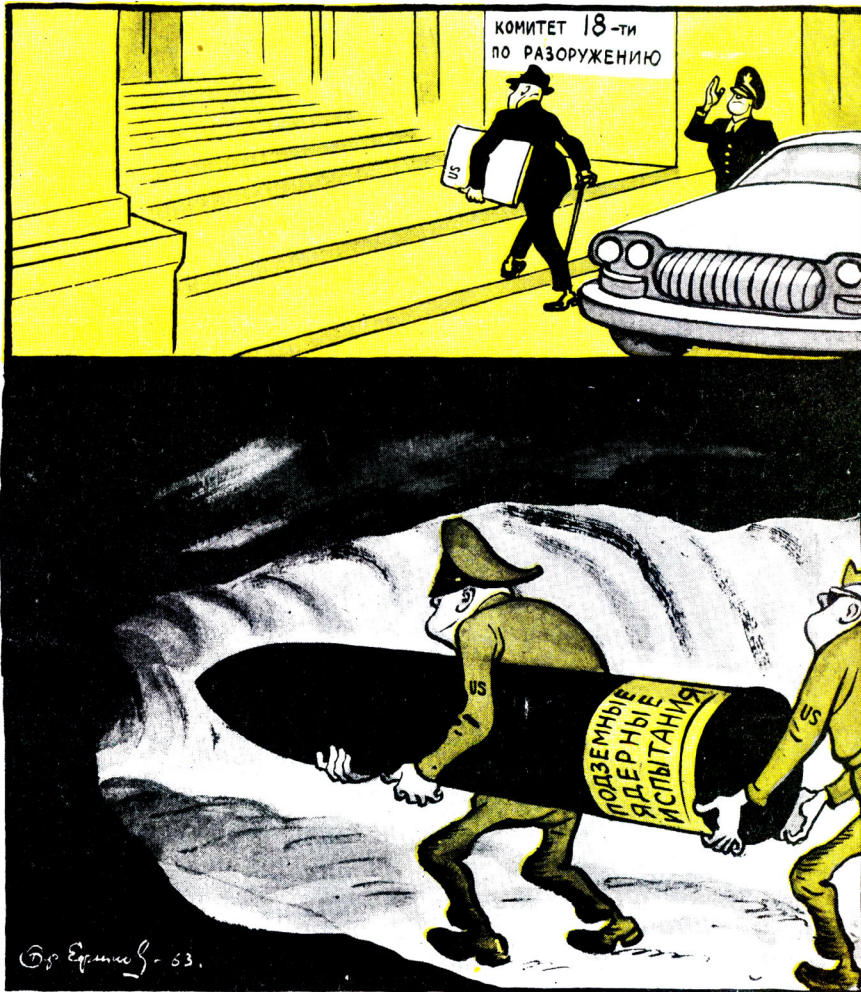
И родители поверят, что иностранная помощь не миф, а действительность, она доходит до самых отдаленных деревушек, опоясывая их двойным рядом колючей проволоки. Вот она, западная цивилизация, западная техника, западный прогресс! Кто мог даже мечтать в стране бамбука, что двадцатый век вплотную подберется к тростниковым хижинам!

Вот что значит правильно избранная форма помощи! Только что мы узнали: американцы не захотели отставать от австралийских конкурентов в борьбе за сердца южновьетнамских крестьян и решили посылать Нго Динь Дьему наручники и полицейских собак.

Схватка между австралийцами и американцами предстоит ожесточенная. С одной стороны, колючая проволока покрывает почти всю страну, с другой — кандалы тоже оставляют неизгладимые следы. Ничего не поделаешь: конкуренция сильна и среди филантропов.

3. ЮРЬЕВ

КОМИТЕТ 18-ти

И ПОД... КОМИТЕТ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

КТО ОТ КОГО ПРОИЗОШЕЛ!

ДЕЙТОН (США). Штат Теннесси, прославившийся в 1925 году запрещением преподавать в школах теорию Дарвина, опять попал в заголовки газет. Власти вновь подтвердили это запрещение, указав, что им не нравится тезис о происхождении человека от обезьяны. Впрочем, в некотором смысле теннессийские политики, может быть, и правы. Если судить по их умственному развитию, вопрос остается открытым, произошел ли человек от обезьяны или наоборот.

ВО ИМЯ БОЖИЕ

КАРЛАЙЛ (АНГИЛИЯ). Местный епископ англиканской

церкви Томас Блумер, желая привлечь молодежь к религии, пригласил желающих на вечер твиста в... церковь.

Отныне вилание бедрами приобретает религиозный характер и совершается во имя божие.

ПАТЕНТ НА НИЩЕНСТВО

ВАШИНГТОН. Здесь издано новое распоряжение, призванное урегулировать проблему попрошайничества. Каждое лицо, желающее заняться сбором подаяний на улицах столицы США, должно внести налог на нищенство в размере двадцати пяти долларов.

Вопрос же, где взять нищему 25 долларов, деликатно обходится.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЛОНДОН. Член палаты лордов лорд Хейлшем сказал: «Нам следует придерживаться следующего общего правила: правительство не должно брать на себя ответственность за чьи бы то ни было идиотские поступки и решения, кроме своих собственных».

Действительно, зачем чрезмерно загружать правительство?

БЕЗРАБОТНЫЕ КОРОЛИ...

ЛОНДОН. В отделе объявлений английской газеты «Таймс» напечатано следующее объявление:

«Особа королевского происхождения готова обсудить любые деловые предложения».

Далее сообщается номер почтового ящика, куда следует направлять предложения. Очевидно, безработица среди королевских особ разных национальностей достигла критического уровня.

...И БЕЗРАБОТНЫЕ КОЛОНИЗАТОРЫ

ЛОНДОН. Газета «Санди таймс» жалуется на трудность устройства бывших английских колониальных чиновников. Эта тревога в особенности вызвана приближением даты объявления Кении независимой страной.

Куда девать, жалуется газета, «бывших губернаторов, судей, полицейских чинов и высокопоставленных чиновников из Вест-Индии, Тринидада, Северной Нигерии и других бывших колоний»?

Ничего не поделаешь, придется переквалифицироваться. Увеличения спроса на генерал-губернаторов не предвидится.

УБИЙСТВЕННАЯ РЕКЛАМА

Уважаемые радиослушатели, дамы и господа! Я говорю с вами из редакции журнала «Зюд-норд-иллюстрирте», где в эти минуты проходит пресс-конференция с коварным убийцей господином Гансом-Петером Гюнхеном.

Убийца г-н Гюнхен созвал пресс-конференцию для того, чтобы признаться в содеянном прежде всего перед читателями своего любимого журнала, подписчиком которого он является долгие годы (подписка принимается по адресу Грюнштрассе, 63).

Уважаемые радиослушатели, мы находимся в просторном, элегантно обставленном помещении редакции (мебель фирмы «Гонецке и сын», большой выбор, выгодный кредит).

Во главе стола сидит господин шеф-редактор Иоахим Кафе-мюллер, возле него — уже упомянутый изверг господин Гюнхен и справа — еще один представитель нашего города, оптовый торговец г-н Галльбак, любезно поставивший все напитки для сегодняшней конференции.

Близы фотографов осветили убийцу. Его отвратительное аристократическое лицо не выражает никакого раскаяния.

Мы отмечаем, что особое очарование его внешности придает отлично выхоленные волосы и борода. Как нам удалось выяснить, он регулярно употребляет замечательное средство для укрепления волос — «Шёнхайтсваасер».

Из-за очков модной формы (производство местной фирмы «Диоптра») холодно глядят зловещие глаза. Я подхожу с микрофоном к убийце.

Пресс-конференцию открывает шеф-редактор вопросом:

— Господин Гюнхен, не будете ли вы любезны осветить нам подробности убийства?

Убийца подкрепляется глотком виски и кока-колы и спокойно отвечает:

— Ингрид, моя жена, та, которую я убил, уже давно действовала мне на нервы своей ревностью, впрочем, обоснованной.

Лицо злодея расплывается в широкой циничной улыбке. Сверкают два ряда ослепительно белых зубов.

— Какую зубную пасту вы употребляете, господин Гюнхен? — звучит вопрос редактора внутривидеополитического отдела.

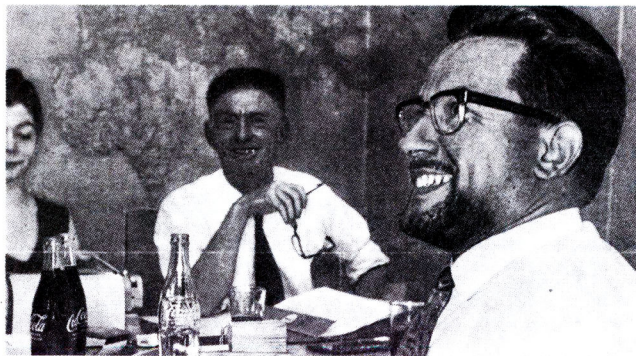
— Конечно, «Цанблиц», — отвечает господин Гюнхен и закуривает сигареты марки «Пир-экспорт».

Пока он с наслаждением втягивает дым, сыплются вопросы:

— Совершая убийство, вы были спокойны или у вас дрожала рука?

Господин Гюнхен сообщает, что он был абсолютно спокоен. И это не удивительно, потому что он регулярно употребляет эликсир жизни «Биовитал».

— Для убийства Ингрид вы, как известно, использовали бесшумный пистолет системы «Буфало». Можете ли вы со спо-

койной совестью рекомендовать это оружие как надежное?

Господин Гюнхен ручается за пистолет, ссылаясь на удачный оборот дела за Ингрид.

По залу пролетает шум, карандаши записывают каждое слово.

— Не сообщите ли вы нам, г-н Гюнхен, как вы уничтожили следы крови на своем костюме?

— Пожалуйста, я не делаю из этого тайны. Пятна на моем добротном костюме, сшитом в ателье г-на Адамса, я уничтожил надежным средством «Шнефлюке», которое должен иметь на вооружении каждый авантюрист крупного масштаба.

— Вы сожалеете о своем поступке, господин убийца?

— Теперь уже ни в коей ме-

ре, ибо как раз перед пресс-конференцией я исповедался и принес покаяние в костеле св. Младенца Иисуса.

— Как вы без посторонней помощи смогли вытащить тяжелый труп своей жертвы? Расскажите: как вам удалось развить мускулатуру?

— Да, Ингрид была не легка. Она имела восемьдесят килограммов живого веса, потому что не желала употреблять такое замечательное апробированное средство от ожирения, как «Контрафетт». Что же касается меня, то я регулярно пользуюсь аппаратом для массажа «Массан». Поэтому с трудом у меня не было никаких затруднений.

Пресс-конференцию, к сожалению, пришлось прервать, так

как в редакцию ворвалась многочисленная толпа юношей и девушек. Они просили у убийцы автографы. Шариковой ручкой марки «Пен» коварный убийца надписал целый ряд дневников, галстуков и даже непосредственно девичьих запястий.

После окончания конференции убийца господин Ганс-Петер Гюнхен был препровожден в тюрьму на автомашине марки «Опель», на его руках звенели наручники марки «Золинген». (Все указанные здесь изделия мы можем горячо рекомендовать нашим радиослушателям.)

С чешского перевода
Вера ПЕТРОВА.

* * *

История, рассказанная в фельетоне, вовсе не так фантастична, как могут подумать наши читатели. Перед вами фотография, взятая из западногерманского журнала «Бунте иллюстрирте». В кабинете главного редактора журнала г-на Вернера Шолленбергера сидит улыбающийся убийца Ханс-Ульрих Прайсиг и, попивая коньяк, рассказывает, как он задушил свою собственную жену. Весел и редактор: замечательная история с массой великолепных подробностей! Отличная реклама!

Из фоторепортажа, занимающего в журнале несколько страниц, читатель может действительно узнать, на какой машине ездил убийца, что предпочитал пить и прочее тому подобное. Как видите, если автор фельетона и прибег к фантазии, то лишь для изменения фамилии преступника.

В БОННСКОМ СУДЕ

- Подсудимый, чем вы занимались при нацизме?
- Приводил в исполнение ваши приговоры, герр судья!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ДАЙТЕ ПОДУМАТЬ!

Мне надо было встретиться и поговорить с Василием Тимофеевичем.

Звоню утром.

— Василий Тимофеевич на совещании. Обсуждается вопрос о гвоздях.

— Почему о гвоздях?

— Доски есть, гвоздей нет. Второй час обсуждают.

Звоню днем.

— Василий Тимофеевич на заседании исполкома.

К вечеру:

— Мне бы Василия Тимофе...

— Нельзя. Штукатурка.

— Какая штукатурка?

— Сухая. Не пойдет.

— Почему не пойдет?

— Пожарники против.

Еще позднее:

— Где Василий Тимофеевич?

— Не отвлекайте. Он пишет срочную бумагу в хозяйстве. Понимаете, клетка есть, машины нет. Не тащить же клетку на себе. Нужна заявка.

Я встретился с Василием Тимофеевичем поздним вечером у него дома. Он только что сбросил пиджак и присел к столу.

Так закончился обычный рабочий день Василия Тимофеевича. Члена-корреспондента Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Доктора ветеринарных наук. Профессора. Заведующего кафедрой эпизоотологии и микробиологии Воронежского сельскохозяйственного института.

Именно как член-корреспондент академии, доктор, профессор и заведующий кафедрой института обсуждал Василий Тимофеевич проблему сухой штукатурки для оборудования аспирантских комнат и «пробивал» в хозяйстве института вопрос о транспортировке клетки для подопытных уток.

Науки юношей питают, это верно. Но они в буквальном смысле питают также и умудренных житейским опытом хозяйственников, при науке состоящих. И, наверно, предполагается, что эти деловые люди как-нибудь могут поддерживать порядок во вверенных им вузовских хозяйствах, не прибегая к высококвалифицированной помощи академиков, профессоров и докторов разнообразных наук.

Боюсь, что это только предполагается.

Для экспериментов понадобилась электроплитка. Ее надо купить. Лаборант составляет petition на счет аванса в 5 (пять) рублей. Подписывает petition заведующий кафедрой.

А лаборант, видимо, мечтал сбегать с пятеркой за пазухой на Южный берег Крыма. Шалишь, ничего не выйдет! Сохранность пятерки гарантирована собственноручной подписью профессора.

Без такой подписи не отпустят лаборанту и десяти граммов какого-нибудь заваливающего натрия для очередного опыта. С профессорской подписью оно как-то спокойнее и надежнее. Не будет подозрений, что лаборант преступно поторговывает этими граммами на толкучке.

С профессорской болью душевной прервав размышления над научно-практической проблемой, решение которой спасет государство и народу, быть может, миллионы рублей, маститый ученый садится в круг своих коллег и мудрых хозяйственников, чтобы решить еще более жгучий вопрос современности: где разместить несколько десятков цыплят, потребных для биологического эксперимента?

К сожалению, я не преувеличиваю. Два часа кряду с привлечением могучих научных сил дебатировался на ветеринарном факультете упомянутый выше вопрос о досках. Доски нужны для курятника. Вопрос первый: где взять доски? Вопрос второй: как быть с гвоздями? Вопрос третий: о молотке. Ибо цыпленок, как установлено, тоже хочет жить.

После этой теоретической конференции Василий Тимофеевич сказал:

— Едва ли что-нибудь у них самих выйдет. Опять придется мне писать прошение...

Я не удивился. Я уже поговорил с тов. Леденковым — директором ветеринарной клиники факультета. Он повторял, сардонически усмехаясь:

— Ученые! Нечего им витать в эмпиреях. Пусть будут ближе к жизни. Пусть тоже думают о материальной базе...

Сотни часов, которые не взвешивш на весах рентабельности, тратит ежегодно крупный ученый, занятый научно-педагогической работой, на увязывание и согласование всяческой чепухи.

В сущности, конечно, это вовсе не чепуха, а более или менее важные мероприятия. Организационные и административные. Хозяйственные и финансовые. Однако важны-то они, черт побери, именно и только потому, что должны помогать,

а не мешать ученому, сберечь, а не пускать в трубу его драгоценное время.

Пока я так рассуждаю, Василий Тимофеевич (или любой его коллега по факультету) сидит, наверно, вместе с лаборантом и заполняет сотни клеточек ежемесячного «Отчета о наличии подопытных животных и расходе кормов на их содержание».

Помутневшим взором смотрит ученый в эту суровую бумагу.

Наименование животных: 1. Собаки. 2. Кролики. 3. Свинки морские. 4. Мыши белые...

Единица измерения...

Морских свинок не измеришь в тоннах, а собак — в километрах. Следовательно, в головах? Или лучше в штуках? Или, может быть, в хвостах?

Состояло животных на довольствии...

Эту таблицу надлежит заполнить «в разрезе каждого дня» досконально. А потом — бухгалтерские счета в руки:

Всего кормодней столько-то.

Еще таблица, разграфленная на двести с лишним клеточек: «Дневная норма расхода кормов на одну голову и месячная норма на все поголовье животных».

Нормы на 1 кормодень: крупы, комбикорма, сена, силоса и пр. Раздельно — по собакам, по кроликам и т. д. Раздельно — по каждому продукту. В килограммах и в граммах. **Месячная норма.** Сложить и умножить. Стук-бряк. Итого столько-то.

Засим «Сведения о получении и расходе кормов». Остаток кормов на начало отчетного периода. Приход. Расход. Количество. Сумма. Остаток кормов на конец отчетного периода. Стук-бряк. Итого столько-то.

Морской свинке что... Вчера схрупала две морковки, сегодня потребила горсть крупы — и в ус не дует. А члену-корреспонденту академии, доктору наук за свинку отчитаться должно. И за все мышинное, собачье и прочее поголовье. И именно за каждый кормодень. Пунктуально.

Нет, лаборант не похитит пятерку. Нет, плотник не умыкнет полкило гвоздей. Нет, кролик не сгрызет лишнюю морковку.

Потому что за все за это в ответе ученый, он же руководитель кафедры, он же...

Заканчивается кипучий, напряженный трудовой кормодень.

Хозяйственник может спать спокойно.

Ученому же почему-то не спится.

Ученый ворочается с боку на бок, с тоской вспоминая о своих «эмпиреях».

Потом он возвращается на твердую почву прозаической реальности и вспоминает, какой у него план на завтра.

Добить вопрос о клетке.

Провентилировать вопрос о сухой штукатурке.

Утратить вопрос о курятнике.

Ну, а между делом прочитать лекцию, проверить работу научного студенческого общества, провести методическое совещание, выступить на межфакультетском совете, составить отчет кафедры, отрецензировать диссертацию и еще...

И много чего еще, дорогой читатель. И очень нужного и не очень.

А когда же, вы спросите, заниматься собственно-то научной работой? Науку-то двигать?

А во время отпуска, вот когда.

Поинтересуйтесь у любого научного работника, и он вам это наверняка подтвердит.

Сейчас много пишется о том, что надо-де как-то находить выход из плена всепожирающей текучки. Дайте инженеру подумать! Дайте технику посоображать! Дайте директору завода собраться с мыслями!

Абсолютно правильные лозунги.

А как насчет того, чтобы дать подумать ученому? Чтобы кое-какие справки, отчеты, отношения и прочие канцелярские бумаженции с его рабочего стола снять и на какой-нибудь другой стол перебросить? Чтобы от кое-каких заседаний и совещаний, комиссий и миссий его освободить?

Немалое приращение воспоследовало бы, думается, от такого мероприятия и науке и народному хозяйству.

А всяческие гвоздевые вопросы о приколачивании досок пусть уж возьмут на себя проректоры по хозяйственной части и их доблестные помощники. Они, кстати, за это и зарплату получают.

Да, ученый должен быть крепко-накрепко связан с практикой и с жизнью. Но практика-то не сводится к прилежному бумагомаранию, а жизнь состоит не только из кормодней.

А. ВИХРЕВ,
специальный корреспондент Кронодила
Воронеж — Москва.

В ОЖИДАНИИ ЗВОНКА

Рисунок Е. ГУРОВА

Степан ОЛЕЙНИК

ПО ШКАЛЕ НОМЕНКЛАТУРЫ

Когда я прибыл в санаторий,
Меня директор не спросил:
Хочу ль избавиться от хворей
Иль просто поднабраться сил.

Привстав, защебетав медово,
Сей муж — сладчайший из мужчин! —
Расспросы начал с «основного»:
Каков мой пост? Каков мой чин?..

Мне говорил о нем приятель,
Что он ловкач, хамелеон,
Что свой талант как прихлебатель
Развил до совершенства он.

Обосновавшись тут за «пультом»,
Закоренелый подхалим
Служил лишь культикам и культу
Да ихним дамам. Только им!

Он по шкале номенклатуры,
Как и в былые времена,
Одним предоставлял конуры,
Другим — хоромы в три окна.

Кому — все почести, все блага,
Кому — пренебреженья лед...
И я решил: «Держись, делегата,
Есть у меня ответный ход!»

Ты нох навастриваешь тонкий!
Ну что ж, ваяль... Сыграю роль!
Я для тебя и титул звонкий
Сымпровизирую, изволь!»

И начал я, собрав терпенье:
— Так вы спросили, чин каков?
Да я ж... начальник управленья
Всех украинских ветряков!

— О... Как же, знаем вас прекрасно! —
Директор мигом пообмяк.
Затрепетал подобострастно
И завертелся, как ветряк.

Врачей приветливые лица
Возникли, как из-под земли.
Чуть не с оркестром две сестрицы
Меня под ручки повели!

— Ваш люкс!.. На море вид отсюда! —
И распахнул директор дверь.
Да, был тот люкс такое чудо,
Что хоть глазам своим не верь!..

Но, не переступив порога,
Чтоб тут и кончить разговор,
Директора спросил я строго:
— У вас для всех такой простор?

— Ну, что вы! Есть разграниченье!
Иным и кучность не беда!
А вы ж начальник управленья
Всех ветряков... Прошу сюда!

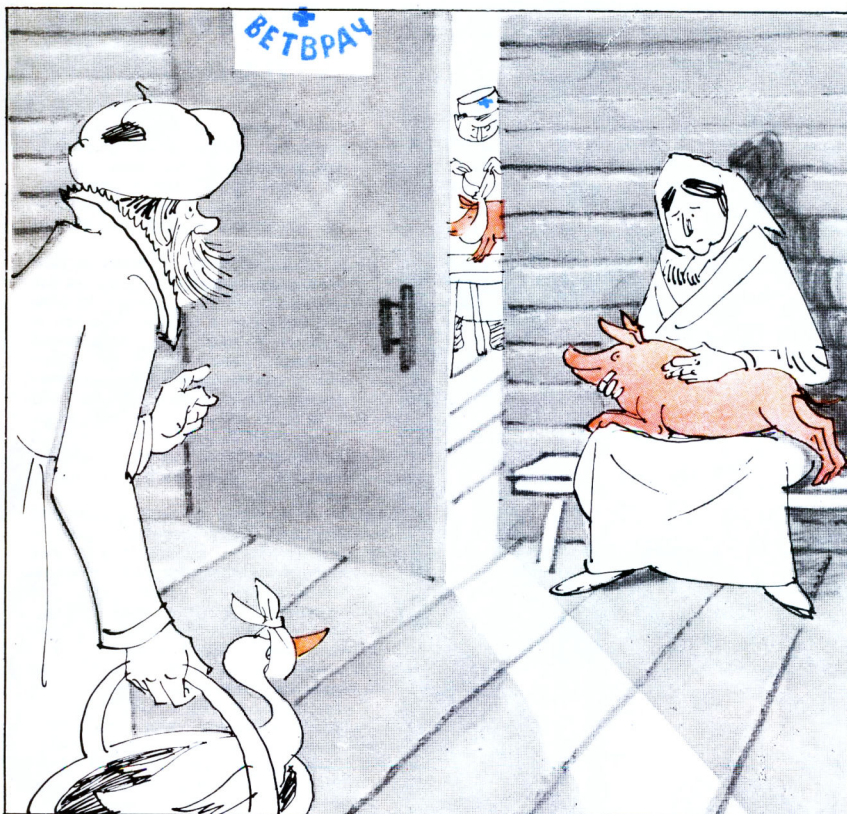
Вас персонал обслужит чутко...
Тут я прервал его, сказав:
— Я не начальник. Это шутка.
Я никакой не «глав», не «зав».

Тавро былого соскребли мы,
Но факт печальный подтвержден:
Поныне липнут подхалимы
К охвосту культовых времен!

...Поскольку есть тот санаторий
И есть еще и лесть и спесь,
К директорам всех категорий
Я обратиться должен здесь:

Чтоб культов нам не звать веками,
Давайте с кресла своего
Не титул видеть в человеке,
А человека самого!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

— На прием?
— Нет, за прием...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПИСЬМО ИЗ ГОРСОВЕТА

«Гр-н Крокодил! Вынужден обратиться к тебе с жалобой по поводу жалоб. Завалили! Странный народ эти наши рязанские квартироръемщики. Особенно те, что живут на Школьной улице. Какие-то склочники! Какие-то, извините, нахалы! Причем, нетерпеливые.

Посуди сам: вселили мы их на новую жилплощадь. Живи, казалось бы, и наслаждайся. А им мало. Подай им в каждую квартиру по ванне. Мол, запроектировано. Да мало ли что прожектор-проектировщик придумает! Зачем тогда баня городская? У нас на баню большой помывочный план спущен, его выполнять надо.

Ну ладно, в общем, дрогнул я, пошел на уступки. Обещал поставить ванны. Когда будут. Так они почуяли мое слабое место. Снова навалились: подай им хлебный магазин, открой почтовое отделение, добавь автобусов на линию. Что тут делать: каждый раз надо придумывать повод для отказа!

Ну, насчет почты я им сказал просто: нет средств, и все.

С автобусами тоже неплохо выкрутился: объективная, так сказать, трудность. Нету их. Придут когда-нибудь — поедете. А пока ходите пешком.

А вот магазин даже пришлось пообещать. И что ты думаешь, гр-н Крокодил, оставили в покое? Пишут! Пишут и отрывают от дел, мешают отвечать на другие жалобы!

Положа руку на сердце, я прошу, гр-н Крокодил, дать директиву, чтобы отстали от меня наглые квартироръемщики со своими нелепыми бытовыми придирками.

С руководящим приветом — В. Копалкин, зам. председателя исполкома Рязанского горсовета».

Примечание: само письмо из горсовета, разумеется, придумано. Но суть его, к сожалению, не вымышленна. Она взята из официального ответа тов. Копалкина жильцам дома № 63-а по Школьной улице.

В. БЕЛИЦКИЙ

Андрей ВНУКОВ, Николай КНЯЗЕВ

Игрок

Шестеркину в карты всю жизнь не везет,
Порой до смешного при этом:
То сделает ход совершенно не тот,
То спутает даму с валетом.
Его бы вконец извело это зло,
Спасибо, судьба пощадила:
В игре не везет, так в любви повезло —
Начальство беднягу любило.
Начальство всегда разберет, что к чему,
Оно понимает причину:
Попросит бедняга — квартиру ему,
И чин, и зарплату по чину.
Путевку — пожалуйста, если устал.
А чтобы без средств не остался,
Дает премиальные каждый квартал.
А как же не дать? Проигрался!
...И снова Шестеркин садится играть,
От пагубной страсти сгорая.
Играя, он взятку стремится не брать,
(Но взятки дает он, играя!)
Пускай над беднягой смеются порой,
Пусть тешат себя зубоскальством,
А он дорожит неудачной игрой,
Поскольку играет... с начальством!

— Что же ты, брат, на моркови проворовался? За такие дела тебя на капусту бросить мало!

Рисунок М. БИТНОГО

РЕПЕТИЦИЯ ПЕРЕД ПОСЕВНОЙ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

РАЗДВОЕНИЕ ТРАНСПОРТЕРА

КАК ДВА ДИРЕКТОРА ИМУЩЕСТВО ПОПОЛАМ ДЕЛИЛИ

Жил-был в поселке Киря лесокombинат. Жил-поживал, разрастался, укреплял хозяйство, заготавливал и пилил древесину. Все шло хорошо.

И вдруг — хлоп! Разделили Кирский комбинат на две части: домостроительный завод с подчинением совнархозу и леспромхоз с передачей в ведение Управления лесного хозяйства.

И началась при дележе катавасия. Самым острым был вопрос о судьбе транспортера, по которому пиловочник подается из нижнего склада в лесопильный цех. Судили-рядили и наконец нашли соломоново решение: разделить его пополам, то есть с такого-то места и до такого-то он принадлежит леспромхозу, а далее — заводу. В общем, как в старой частушке поется:

Муж с женою подрались,
Подрались и развелись,
Пополам все поделили,
Пианино распилили.

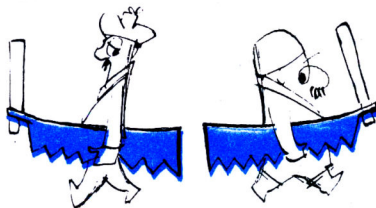
Если можно разделить пополам пианино, почему нельзя так же поступить с транспортером?

А как учесть подачу древесины в лесопильный цех? И тут был найден выход: на условной границе транспортера каждая сторона поставила своих представителей. Агент леспромхоза считает и сдает, а работник завода

считает и принимает. Так появились новые, не существовавшие на комбинате специальности сдатчика и приемщика.

Чем дальше в лес, тем больше дров, то бишь перепалки. Бывает, что леспромхоз недодаст сырья или снизит качество своей продукции. Дирекция завода не дремлет: она тут же начинает зажимать подачу леспромхозу электроэнергии. Разгорелась настоящая междоусобица.

— Нужно избавиться от зависимости! — сказал директор леспромхоза тов. Вальцевич. — Будем сами пилить древесину! — И построил свою «лесопилку» — сарайчик, обнесенный досками, где установил старые пилорамы. Затем хозяйство леспромхоза в порядке избавления от зависимости обогатилось деревообделочным цехом, таким же кустарным, как и лесопилка.

— Мы используем отходы, изготовляем тарные доски, — заявляют руководители леспромхоза, когда разговор поднимается об этом цехе. А в то же время на заводе станки для изготовления тары часто простаивают из-за нехватки сырья.

Руководители завода, в свою очередь, решили не уступать леспромхозу и хотят завести транспортер. Чтобы уж был свой, собственный, неделимый.

Так возникло два предприятия у одной скромной... пилы.

Да, недешево обходится разделение комбината на две части. Теперь у каждой свой директор, свой главный инженер, свой главный бухгалтер, главный механик и другие главные лица. Свои производственные отделы и конструкторские бюро. В общем, раздвоили комбинат, удвоили штат.

Если Главлесхоз РСФСР и Волго-Вятский совнархоз не сумеют проложить мостик между ведомственными «двумя берегами», то, пожалуй, скоро эти предприятия каждое дерево в кирских лесах будут делить пополам. То-то щепки полетят!..

Д. ДУБИНИН,
В. ЯКОВЛЕВ

г. Чебоксары.

Победила страсть

Вначале чуть-чуть статистики. Говорят, что наша торговля сдвинулась с места, а это значит, что в последние шестьдесят четыре промтоварные новинки.

К сожалению, не подсчитано еще, какой процент «выброшенных» (в кавычках) новинок купатели выбрасывают (уже без кавычек). Но подобная деталь мало кого интересует, поскольку она на выполнении финансовых планов и выплате премий не отражается.

К счастью, будущи очень занятым, я в магазинах бываю редко и приобретаю новинки от случая к случаю; так что особо большого урона семейному бюджету мне причинить не удалось.

Совсем по-другому сложилась судьба моего друга Гриши Качалина.

Гриша особенно увлекся приобретением новинок. Выступая, допустим, какую-нибудь вещь всего-то в пяти экземплярах — и можете не сомневаться, что один из них будет приобретен Гришей.

Если бы Министрство торговли ввело звание «покупатель-экспериментатор», первым, и по праву, без всякого сомнения, это почетное звание получил бы Г. Н. Качалин, то есть мой друг Гриша.

Достаточно привести сокращенный список новинок, купленных Гришей, и вы поймете, что я ничего не преувеличил.

Вот он, этот список. Читайте и удивляйтесь!

1. Механическая колдовка для выпрямления задников войлочной домашней обуви.
2. Электроника для ногтев.
3. Оригинальный нож для чистки бананов.
4. Прибор для вдевания сапожных шнурков.
5. Орлоновая щетка для чистки стальных кружек часов.
6. Гидрошопер.
7. Квасоварка.
8. Миниатурный электропресс для разглаживания кепочных козырьков.

Повторяю, это лишь скатанный перечень новинок, приобретенных Гришей Качалиным.

Стоило моему другу услышать по радио, что в каком-то магазине появился агрегат, который одновременно может молотить перец, колоть сахар, разжижать столтарный клей, готовить начинку для пирожков, как Гриша немедленно срывался с места и, заняв денюгу у соседей и друзей, бежал в магазин, путая нездоровым блеском своих глаз детей и милиционеров.

Тут следовало сделать одну существенную оговорку. Одержимость Гриши Качалина не имела ничего общего с нездоровым преклонением перед

модой. Ведь модное — отнюдь не всегда новое, чаще это — повторение забытого, старого.

Что касается Гриши, то он любил только новые изделия, еще никогда не существовавшие на свете и выпускаемые крайне небольшим тиражом.

Представляете, как были бы счастливы заводские изобретатели, если бы директором их завода был Гриша Качалин! Но Гриша — всего только покупатель и трудится на довольно скромном посту бухгалтера районной театральной кассы. Так что за поддержки своих изобретений к нему никто никогда не обращался.

Но вернемся от общих рассуждений к главному. А главное — это Гриша Качалин и его страсть к приобретению новинок. Будь он уж очень высокооплачиваемым работником или имел он, наконец, какие-нибудь дополнительные источники заработка, все бы выглядело совсем по-другому.

У обладателей лишних денег могут быть и более странные причуды! Но если человек закладывает долги, меняет один сорт папирос на другой, более дешевый, шеголяет круглый год в кулуарном много лет назад уцененном пальто и дальше скверя, развитого во дворе заботливыми пенсионерами; никакого другого лона природы не лицезреть, то уж тут не до причуд! Тут уж мы имеем дело не с легким мимолетным увлечением. Здесь налицо серьезная страсть, существующая вопреки логике, страсть, которую не в силах вытравить никакие доводы, никакие просьбы, запреты и увещания.

— И что это с человеком такое творится? — недоумевали Гришины соседи, когда он приволок в прихожую в квартиру пневматический набор для мытья балконов, великопенозна, что именно в этой комнате балкона нет и никогда не будет.

Но и эта покупка оказалась далеко не пределом. Вскоре Гриша приобрел самую выдающуюся новинку. На деньги, взятые в кассе взаимопомощи, он купил только что появившийся в продаже «малогабаритный мебельный комбайн».

Глядя на это довольно громоздкое и замысловатое сооружение, все понимали, что уж после такой покупки Гриша вынужден будет если не навсегда, то на очень долгое время отказаться от новых приобретений.

Мебельный комбайн занимал почти всю комнату.

— Вы обратите внимание, — кричал от волнения, возбужденно говорил Гриша собравшимся на просмотр новинки соседям. — Пока она стоит горизонтально, то это кровать... Если ее поставить боком, получается платяной шкаф с ящиками, а

если перевернуть матрацем вниз — выйдет обеденный стол.

Соседи пожимали плечами и удивленно глядели не столько на комбайн, сколько на покупателя.

В тот же вечер Гриша смонтировал, согласно приложенной схеме, кровать, пригел и уснул.

И вдруг что-то в комбайне щелкнуло, крикнуло, кровать вместе с Гришей ушла куда-то вонуту, перевернувшись, встала на дыбы и в присутствии прибежавших на крик соседней стала платяным шкафом.

Всякая Гришина попытка вылезти самому неизменно кончалась неудачей.

Отчаявшись открыть дверь, Гриша решил выдвинуть ее силой, бил коленом, нажимал плечом, но с виду далеко не капитального сложения двери никак не поддавалась.

Оставалось только одно — вырвать замок. Будь он нормальный, шпритребовский замок, не устоял бы ему и пяти минут. Но в том-то и дело, что замок был не простой, не обычный, а гордость предприятия, экспериментально-опытный замок: ему бы могли позавидовать замки самых строго охраняемых сейфов в наших банках.

Соседи поняли, что дело плохо, когда в шкафу сразу стихло.

— Подозрительно, — сказал один из соседей, — чего-то он замочил... Видно, задыхается плечом. Надо, граждане, бежать за кислородными подушками.

Но тут, к счастью, кому-то попался на глаза лежащий в углу гарантийный паспорт.

На последней странице паспорта было написано:

«В случае неисправности, обнаруженной в комбайне в течение гарантийного срока, и несрабатывания отдельных узлов самому не принимать никаких мер, а звонить по телефону К 2-02-73 и вызывать техника».

— Крепитесь, Григорий Николаевич! — крикнула квартируночелочечная, — вызываем техника. Дышите глубже!

— Дышу, — доносилось из шкафа. — Действуйте! Торопитесь!

Но прошло и двадцати минут, как явился инструктор и, понимая всю напряженность момента, включил электродверь и уверенными движениями опытного патологанатома приступил к вскрытию комбайна.

— Это еще что! — взрыжаясь дреблю в самую середину замка, попытается успокоить техника. — Бываюот штуки и почище. У нас есть кожан

байны четырехфазные — в них, кроме кровати, шкафа и стола, еще кухонный ящик с постоянно действующим холодильником имеется... Одна гражданка тоже вот так прилегла, а во сне невольно повернулась и угодилась прямым сообщением в холодильник. Так после этой операции она целую неделю отягала не могла...

Когда открылась наконец дверь шкафа и Гриша был бережно переложен соседями в обыкновенную кровать, техник собрал инструмент и, пожелав комбайновладельцу быстрейшего выздоровления, наставил на прощание:

— В принципе эта штука задумана грандиозно, и проект сделан отлично, а вот в производстве кое-какие узлы не дожали. Ваше счастье, что я еще в отпуске не ушел, а то другого выездного техника у нас нет, так что пришлось бы или ждать месяц или везти всю эту механизацию вместе с вами на завод. И вообще, гражданин, во избежание дальнейших неприятностей советуем вам сдать комбайн обратно, пока гарантия не кончилась, а на эти деньги купить себе импортную тахту. Не новинка, правда, но зато никакие тебе экспериментальные проществий!

Не удивительно, что после пережитых волнений и страха у Гриши как-то сразу ослаб интерес к экспериментальным новинкам. Даже когда радио сообщило о том, что в магазин новинки поступили полупроводниковые терки для хрена, Гриша как-то криво улыбнулся, полез было в карман, чтобы подсчитать имеющуюся наличность, но потом покачал головой, что-то тыкнул и, взяв со стола газету, углубился в чтение статьи о благородных поступках, совершенных жильцами одной коммунальной квартиры.

Каждый раз, когда возникал разговор об удивительных новинках, которые намечают к выпуску в ближайшие годы, Гриша Качалин истосковенно обывал себя «жертвой нелепой страсти», ругал на чем свет стоит все новинки и говорил, что выпускают их в расчете на «вкусны и потребности среднего идиота».

Случая Гришу Качалина, я начинал верить, что, как сказал некий мудрец, «тут избавления от страстей человеческих лежит через сильные потресания».

Очевидно, «недожатый» ушел мебельного комбайна избавил Гришу Качалина от разорительного влечения к промтоварным новинкам.

Я даже собирался закончить рассказ этойкой одой в честь всепобеждающего разума, но неожиданно все изменилось.

Дело в том, что вчера я зашел в галантерейный магазин купить туфлы для пиджака.

У прилавка толкалось несколько человек.

— Скажите, — спросил я у стоявшего спиной ко мне гражданина, — почему такая давка?

— Новинка появилась, — не оборачиваясь ответил гражданин, радостно размахивая уже выбитым чеком. — Венные носовые платки из водоотталкивающей ткани...

Я узнал голос Гриши Качалина. Страсть победила.

г. Ленинград.

СВЕТИЛО

Гордая судьба своей,
Всем Лама горворила:
«Хоть в 25 свечей,
А все-таки — светило!»

Ю. МАКАРОВ
г. Калининград,
Московской области.

ПРИНЯЛИ К СВЕДЕНИЮ

Прочитав на вывеске Деорда культуры имени Лесовета непонятное слово ЛОСЛСЛ, я спросил работника управления Ленгорформления, зачем они пишут такие ребусы.

Со мной тотчас же согласились.

— Безусловно, — сказали мне, — гораздо полнее звучит вывеска на фасаде дома 57 по Литейному проспекту: РОСГЛАВСТАНКОИНСТРУМЕНТЕНАБСБЫТИ

И. ГРИГОРЬЕВ
г. Ленинград.

ВРАЧ-КАНЦЕЛЯРИСТ

Он не лечил — он все писал
(Диплом тут не помеха).
И врач в нем тихо умирает,
И не рождался Чехов.

М. МАРГОЛИН
г. Житомир.

Из записной книжки

Роман был так слаб, что походил на диссертацию: его нужно было защищать.

Его поэтическая жилка напоминала скорее сужожилие.

В квартире всю ночь не спали: за стеной пели «Тигишу».

Краткость — сестра таланта, но теща гоноратца: его нужно было защищать.

В. МАРЬЯНОВСКИ

Мимиходом

Лектор сожалел, что его карманы были пусты. Ему хотелось полететь в карман за слогом.

Прочитав новую моды: «Долой парикмахеров!»

Хмельницакая область.

Приезжий агроном попросил в гостинице комнату с видами на урожай.

Получая от любимой дополнительные письма, он всякий раз восклицал:
— Мне дорого каждое твоё письмо!

В. БАКУН
В. ХМАРА
г. Киев.

ЖИВ КУРИЛКА

Ему курить не привыкать:
Курил отец, курила мать.
Он взял пример с отца и мамы,
Начальству... курит фимамы!

ЗАВ О ЗАМЕ

Кредет, но очень осторожно,
С такими, ей-ей, работать можно!

Юрия МАТВЕЕВ

Нарочно не придумаешь

«Три дня пил т. Плахин, два дня отлеживался, на пятый день его вывели на обсуждение общественности».

(Из выступления на профконференции.)
Записал Г. ЮНЕВИН.

Бурлатная АССР.

«Имею возможность направить вам восьмимесячных медесстер. Сообщите требуемое количество».

(Из телеграммы.)
Доставил Л. ВАСИЛЬЕВ.
г. Северо-Курильск.

МЕЛ

Мел в критике
Считался смелым:
Все черное
он делал белым.

Владимир ШЕХ

ПО МЕТОДУ ВЗРОСЛЫХ ТРЕНЕРОВ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

— Достал по сходной цене, злее любой собаки!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

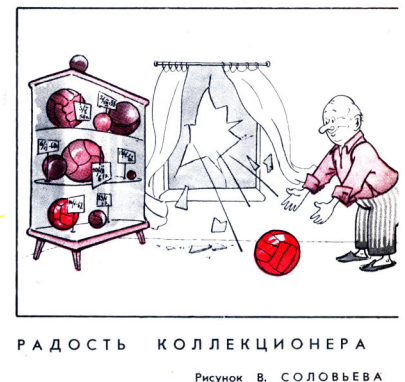

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

КОНФЛИКТ УЛАЖЕН

Рисунок Д. БЕЛОВА

РАДОСТЬ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

ХРАНИТЕЛИ ТИШИНЫ

Приемная комиссия Андижанского медицинского института обсуждала итоги экзаменационной сессии. Лица членов комиссии были беспристрастны, как изваяния. Обсуждение шло гладко, кандидатуры не вызвали споров и разногласий. В этом вузе любил строгую академическую тишину.

— Обсудим показатели по основному показателю, — сказала председатель комиссии доцент Обухова.

— Чтобы выявить самых достойных, — скромно добавил преподаватель Мирзакаримов.

— Что там у Абдулаева? — спросила Обухова.

— Три, — ответил секретарь.

— А у Мирзоева?

— Семь, — сообщил секретарь.

— Ай-ай-ай, какой способный мальчик! — восхитился экзаменатор Саидазизов. — Из него выйдет настоящий врач!

— А сколько у Бухарова?

— Одиннадцать! — радостно продекларировал секретарь.

— Да ведь это Авиценна! — воскликнул заведующий кафедрой Пулатов. — Эскулап! Скорее, как можно скорее нужно зачислить этого необыкновенно одаренного абитуриента!

Членов комиссии почему-то совершенно не смущали эти странные оценки, не принятые в нашей системе образования. Чем дальше уходила цифра от пятибалльной системы, тем больше высказывалось восторгов. А когда по основной дисциплине один студент поразил цифрой «семнадцать», члены комиссии шлепнули тыбетейками об пол и пустились в неприличных для деятелей медицинской науки пляс.

В этом месте следует разяснить недоумевающему читателю, что основным показателем была не оценка по химии или по анатомии. Основным показателем была сумма, которую папа абитуриента совал экзаменатора.

Андижанский медицинский институт мог гордиться своей известностью. Правда, эта известность была несколько необычной. Просто каждый, даже самый безнадежный недочука, который не мог ответить, сколько будет пятью пять, твердо знал: он будет студентом этого института. Если, конечно, его папа выложит и хлопнет на бочку приемной комиссии толстый бумажник.

Когда в институт пришел и стал принимать дела новый декан Салахудинов, выяснилась любопытная картина: около 20 студентов были зачислены вообще без вступительных экзаменов по одному или двум предметам. Четверем забыли вручить экзаменационные листы, у 14 были исправлены и подделаны отметки, а трое посещали занятия без всякого приказа о зачислении. Вникнув в суть дела, товарищ Салахудинов в страшном смятении ретировался из грешных стен института и отказался принимать дела.

Экзаменаторы были строги. Они не терпели надувательства. Они любили честную порядочную игру. Когда доценту Саидазизову вместо 700 рублей вручили 690, он страшно оскорбился.

— А где остальные десять? — тихо спросил он.

— Собрал все до копейки, — ответил старик К. — Осталась только кошма, все продал. Возьми и прими внука.

— Старик, ты бесчестный человек! — вознегодовал Саидазизов. — Ты не надуешь меня! Продавай кошму и плати справедливую цену. Поспишь на полу, не простишься: лето вон какое жаркое!

Эта особенность некоторых преподавателей института была известна не только в Андижане, Самарканде, Бухаре. Скандальная слава о их деятельности докатилась до городов и весей Закавказья, Сибири и даже до Коми-Пермяцкого национального округа. И только два человека долгое время оставались в счастливом неведении. Это бывший секретарь Андижанского горкома партии, а ныне заместитель председателя облисполкома Г. Ашуров и директор института У. Алимов. Слухи как-то обходили стороной их плотно закрытые кабинеты, не смея даже переползти порог приемной. А когда им письменно и устно сообщали, что экзаменаторы старательно вытряхивают карманы каждого поступающего, они сердито махали руками:

— Обухова? Саидазизов? Не может быть! Такие образованные люди: анатомию знают, латынь знают... и взятки берут? Не может быть!

Скептицизм Г. Ашурова не могла поколебать даже столь авторитетная организация, как Комиссия советского контроля Узбекской республики. Однажды, присмотревшись к рукам некоторых экзаменаторов и обнаружив, что у них слишком развиты хватательные способности, комиссия предложила уволить виновных из института. Директор У. Алимов, секретарь горкома Г. Ашуров вознесли над виновными свои грозные длани и... погладили по головке перепуганных взяточников: не бойтесь, не выдадим. И действительно, все последующие годы эти люди по-прежнему возглавляли приемные комиссии, экзаменуя главным образом по принципу: кто больше даст.

Справедливости ради следует сказать, что не всегда У. Алимов оставался глух к сигналам о взятках. Когда доцент Е. Колосс сообщил, что преподаватель Мирзакаримов получил от абитуриента А. 600 рублей, директор вуза не оставил жало-

бу без внимания. Он действовал быстро и энергично. Была создана комиссия. В короткий срок она установила, что доцент Е. Колосс — никудышный работник! Да к тому же еще и склочник! Возводит недостойные поклепы на честных, уважаемых коллег.

Е. Колосса прикрутили веревками к позорному столбу, и долго, очень долго над его непутевой головешкой свистел административный бич. Парторг института объявил ему выговор. А на бюро горкома по спине жалобщика прошлись «с пристрастием»: выговор заменили на строгий. Местная газета «Коммунист» решила, что Е. Колосс еще держится на ногах, и проехавшись по нему в фельетоне «Заноза», после чего скомпрометированному работнику, как недостойному оставаться на высоком посту воспитателя молодежи, указали на дверь.

Между прочим, всякая экзекуция, кроме своей прямой цели — наказать, имеет еще побочную — запугать. И это удалось. Теперь, дабы не навлек на себя опалу, честные преподаватели старательно отводили глаза в сторону, когда рука взяточника лезла в карман абитуриента. Никто не хотел звать на помощь милицию, ибо знали: не одобряется. Словом, в институте наступила строгая академическая тишина, наслаждаться которой так любил У. Алимов.

Этот «ученый муж» положительно относился к тишине и очень не одобрял всякий принципиальный шум. И не потому, что он у него вызывал мигрень. Нет, совсем по другим причинам.

У. Алимов, как человек предрасположенный к аналитическому мышлению, быстро сообразил, что шум, поднятый доцентом Е. Колоссом, не сулит ему ничего приятного. Это директор знал так же точно, как размер своего оклада. Конечно, Обухова, Мирзакаримов, Саидазизов — люди не без слабостей. Есть у них

родимые пятна. Ну, конечно, можно их разоблачить, вывести на чистую воду.

Ну, а что хорошего?

Сегодня ты покажешь пальцем на их родимые пятна, а завтра, рассердясь, они укажут на твои. А пятна — у кого их нет? Пойдет шум не будет в коридорах вуза столь милой сердцу Алимова тишины.

Очень плохо, если случается шум! Он расшатывает не только нервную систему, но и авторитет. А уж какой это руководитель, если у него нет авторитета! Без этой штуки долго не продержишься в руководящем кресле. Такие люди, как Алимов, очень не любят расставаться с креслом. Они держатся за него судорожной, закостенелой хваткой.

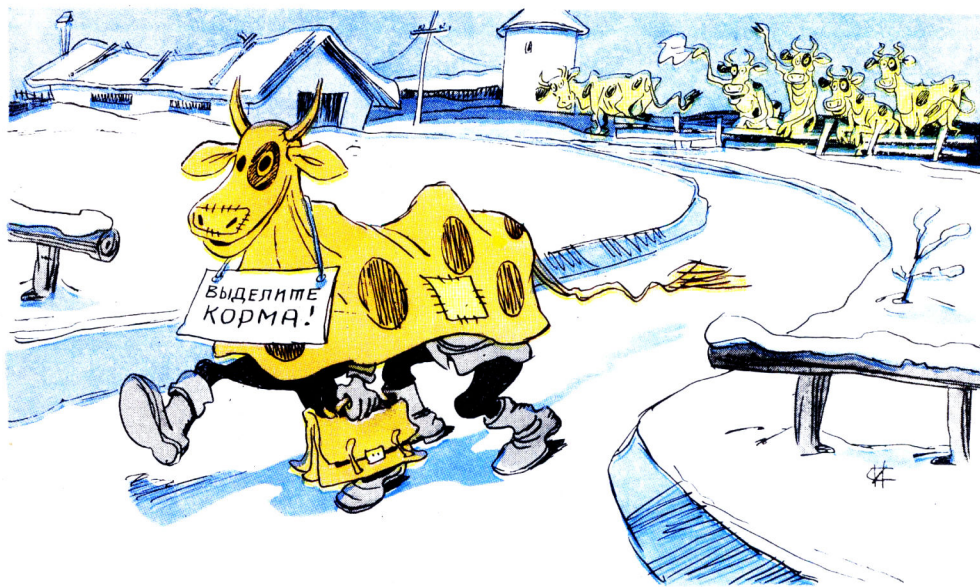
Шум, поднявшийся в мединституте, болезненно ударил по руководящим перепонкам первого секретаря горкома товарища Г. Ашурова. Он тоже не любил, когда какой-нибудь нетактичный товарищ нарушал тишину. Он, как и У. Алимов, любил, чтоб все было красиво, гладко, благопристойно. Конфликты явно не вносили ему симпатии.

Конечно, можно наказать директора института. Ну, а вдруг обидится, опять же поднимет шум?

Теперь, когда стараниями отдельных работников прокуратуры и обкома партии все-таки удалось взорвать непристойную тишину в мединституте, товарищи У. Алимов и Г. Ашуров удивленно разводят руками: «Ах, ах, как неприятно! Такие грязные, неприличные пятна на мундире андижанских просветителей!» Но любители тишины забывают, что эти пятна появились при их молчаливом попустительстве.

Сейчас для У. Алимова подыскивается новое руководящее кресло. Г. Ашуров такое кресло уже подыскал: он работает заместителем председателя облисполкома. Но нам кажется, что прежде, чем усаживать «любителей тишины» в руководящее кресло, неплохо бы устроить для них экзамен. По той же пятибалльной системе. Экзамен на честность и принципиальность.

В. ТИТОВ

ПО ДОРОГЕ В РАЙЦЕНТР

Рисунок И. СЫЧЕВА

М. ЗАХАРОВ

Заговорил...

— К какому из русских писателей XVIII века вы питаете особую симпатию и почему? — спросил меня на экзамене седовласый профессор.

После минутного замешательства я задумчиво улыбнулся, сощурил глаза и внимательно посмотрел на кончик собственного носа. Затем не спеша почесал переносицу, прикусил нижнюю губу и устремил на профессора пристально испытующий взгляд, как бы вспоминая, где я его мог видеть раньше. Это произвело некоторое впечатление, и профессор сказал уже более ласковым тоном:

— Вижу, что вам нелегко сделать выбор.

Я грустно улыбнулся, задумчиво опустил глаза и медленно откинулся на спинку стула.

— Расскажите тогда, дорогуша, о русских писателях-разночинцах, — после минутного колебания сказал профессор.

Я счел возможным повторить последнее слово по слогам, высоко подняв брови и проведя языком по тыльной стороне губ. Сделав несколько резких выдохов через нос, своего рода нервное посапывание, я слегка прикрыл левый глаз и застыл в этой позе тревожного раздумья, всем своим существом показывая, что нахожусь в стадии мучительных поисков наиболее точного и лаконичного определения.

— Мыслящий паренек, — тихо шепнул профессор своему ассистенту. — Жаль, что волнуется...

Все последующие экзамены проходили уже более спокойно и не требовали столь мучительного напряжения духовных и физических сил.

Ровно через месяц на первых же выборах в руководящие органы нашего факультета 99,9 процента всех студентов первого курса высказались за мою кандидатуру.

Через год на вопрос, согласен ли я возглавить научное студенческое общество, я улыбнулся краем губ и, выразительно опустив брови, разгладил морщины лба.

Через два года на вопрос, смогу ли я руководить целой культурно-массовой организацией, я провел ладонью по лицу и трижды причмокнул губами.

Наконец, выслушав предложение ввести меня в состав авторитетного исполнительного органа, я взял правой рукой за переносицу, закрыл глаза и пошевелил ушами.

— Скажите нам свое мнение по этому вопросу! — требовали от меня люди, и я, беззвучно шевеля челюстями, бросал на них лукаво-интригующие взоры. Дескать, я-то знаю, что делать, но меня интересует как раз, что думаете вы.

Ни одно явление в окружающей действительности не могло заставить меня членораздельно высказаться. И лишь смотр художественной самодеятельности всколыхнул во мне эту естественную человеческую потребность. Мне захотелось вдруг сказать людям все, что я о них думаю. Когда обсуждение постановки под названием «Ромео и Джульетта» вступило в свою заключительную стадию, председатель объявил, что я прошу слова. Взволнованный ропот прошел по рядам слушателей.

— Скажите, пожалуйста, какая трагедия-кинокомедия! — сказал я, ехидно усмехнувшись. — На кой она нам сдалась?! Что, у нас своих комедий не хватает?!

Зал тревожно загудел, и это меня воодушевило.

— Окурки надо поменьше разбрасывать, — сказал я назидательно. — Молодежь!.. Интеллигенция!.. Очки на нос понадевали — и думают, что ума палата!

Уже через десять минут я зажил полноценной жизнью человека, не обремененного более никакими обязанностями.

— Не стесняйтесь, мамаша, берите, — это мой сыновний долг!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Бабкен КАРАПЕТЯН

Где он?

Село родное, с высоты
Кого высматриваешь ты?
Я знаю: хочешь разглядеть
Ты председателя черты.

Грусти о нем или не грусти, —
Наш Амбарцум всегда в пути.
Читатель, щедро награжу,
Коль сможешь ты его найти!

Где ж предколхоза? Дома? Нет.
Ведет, возможно, в поле след?
Нет! И на ферме нет его!
Ох, необъятен белый свет!

Быть может, беспокорный друг
Умчался вдруг на горный луг —
Сидит в прохладе? Нет и нет!
Напрасно смотришь ты вокруг.

Свой опыт он передает
Далекому селу. И вот
Там знают, как растим свиней,
Как славно наш колхоз живет.

Вот мчитса он в другой конец,
И речь ведет наш молодец
О том, как нужно корм беречь,
Как стричь баранов и овец.

Не председатель — просто клад!
Так опыт у него богат!
Он утром — здесь, а ночью — там:
Со всеми он делиться рад.

Как благодарны все ему:
Приехал — и рассеял тьму!
Послушали его доклад —
И стало ясно, что к чему.

И вдруг один колхоз решил
Учиться, не жалея сил.
Чтоб все на месте перенять,
Он делегатов снарядил.

И вот они в селе у нас,
Весь опыт видят без прикрас.
Наш председатель у стола
Стоит, не поднимая глаз.

Стоит и жалок и угрюм...
— Эх ты, гуляка Амбарцум, —
Сказали гости, уходя, —
Из ничего ты поднял шум!

Перевел с армянского
Павел ПАНЧЕННО.

ПРОСТУДА ПО ЗНАКОМСТВУ

Гражданам, страдающим различными заболеваниями, можем дать ряд ценных советов. Не гонитесь за медицинскими светилами.

Не стучитесь в двери к профессорам и доцентам.

Идите к простому участковому врачу поликлинического отделения 30-й городской больницы Бернатовичу.

Доктор Бернатович давно определил своих коллег и лишь по природной скромности остается пока в тени.

Чтобы поставить диагноз, ему не нужны ни ваши анализы, ни рентгеновские снимки, ни температура. Даже вы сами не нужны!

Волшебное чутье помогает Бернатовичу определять любую болезнь заочно, на расстоянии. Вот это талант!

Конечно, могут быть сомневающиеся. Мы убедим их.

Не так давно медсестра Афанасьева, с трепетом переступив порог кабинета выдающегося эскулапа, попросила установить диагноз болезни продащицы палатки № 22 Первомайского райпещеторга Перовой.

И хотя Перова находилась за дверью, доктор Бернатович тотчас определил:

— Явный радикулит!

— Точно, — сказала Афанасьева. — Как в воду смотрели! Бедняжка больше всего страдает от отсутствия бюллетеня.

И врач облегчил страдания: выписал бюллетень.

Стоит ли объяснять, что никакого таинства в действиях Бернатовича нет? Спросите самого врача, и он вам популярно разъяснит:

— Кто обратился с просьбой? Афанасьева, сослуживица, свой человек. За кого просила? Не за чужую, а за свою соседку по дому. Я проявил элементарную чуткость...

Известно, что медработник должен быть чутким, гуманным. Все зависит от того, как эту гуманность толковать. Бернатович истолковал весьма своеобразно.

Кроме соседей, у Афанасьевой есть муж, Афанасьев. Однажды он не вышел на работу. Потом еще и еще. И вот, спасая мужа, жена бежит все к тому же чудо-доктору, бьет ему челом:

— Выручайте, голубчик!

На этот раз Бернатович строг. Он приглашает пациента в кабинет. Осматривает, выстукивает его, надеясь зацепиться хоть за какое-нибудь недомогание. И, видя, что пациент абсолютно здоров, тяжело вздыхает:

— Надо нам с вами подумать. Есть широкий ассортимент болезней. Выбирайте, какая по вкусу: простуда, артрит, радикулит, гастрит?

— Простуда, пожалуй, звучит правдоподобно, — размышляет Афанасьев.

— Берем простуду! — подтверждает жена.

И бюллетень на руках!

Как же так, дорогие товарищи? Афанасьев — член партии, и Бернатович — член партии. По идее люди сознательные, передовые. А занимаются обманом!

— Я, естественно, понимал, что поступаю некрасиво, — смущается теперь Бернатович, — но как-то не придавал этому большого значения.

Какая детская наивность в сорок с лишним лет!

Афанасьев совершает прогулы, а государство вместо наказания эти прогулы оплачивает. И все потому, что на липовом бюллетене стоит подпись врача Бернатовича.

Простуда — дело темное, неосоздаемое. Не какое-нибудь кровельное железо.

Что ж, теперь можно и про железо.

Про то самое, которое раздавал налево и направо бывший начальник главного управления «Росзаготстрой» Воеводина.

Картинка вырисовывается примерно такая же. Только в роли медсестры Афанасьевой выступал бывший начальник конторы снабжения главка Корчанов.

Ростовские и краснодарские шоферы Ткаченко, Шафиев, Кондрашев строят дома, а крыши крыть нечем.

— Выручайте!

Кто просит? Не чужой, свой, подчиненный. За кого ходатайствует? За работников родственных учреждений «Севкавзагострой». Ну, как не порадеть?..

И на заявлениях появляется обнадеживающая резолюция Воеводина, а железо уплывает.

Понятно, из каких соображений Корчанов бил челом Воеводину. С Корчановым рассчитывались то ростовскими яичками, то краснодарскими арбузами. А Воеводина?

Ему хочется прослыть хозяином добрым, отзывчивым.

— Бери, дружок, и знай мою щедрую душу! Да другим расскажи, какой я хороший!

И рассказывали. Корчанов

просил за Кондрашева, Кондрашев, в свою очередь, — за соседей Безуглого и Скрыгина, а Воеводина размашисто выводил: «Выдать».

И не килограммы, а тонны строго фондируемого железа, не по розничным, а по оптовым промышленным ценам.

— Берите, тащите со складов, своим не жалко!

Воеводина решили наказать, а он удивился не меньше врача Бернатовича:

— Не крад, взятку не брал, действовал из самых лучших побуждений. По этому поводу есть даже соответствующее указание классика: «Суждены нам битые порывы...»

Цитата правильная, но снова приходится повторять очевидную истину: все ведь зависит от того, чем продиктованы и к чему приводят такие порывы.

Мало того, что Воеводина покомовски одаривал железом в обход всяких правил и законов. Его «подарочки» шоферы чаще всего сбывали на черном рынке.

И, подсчитывая прибыль, наверняка посмеивались над своим благодетелем:

— Ну и лопух!

Но за эту «лопушью» доброту приходилось расплачиваться не личной, воеводинской, а государственной монетой.

Легко и приятно быть добрым и щедрым за казенный счет. Куда неприятнее подсчитывать затем убытки и отвечать за них.

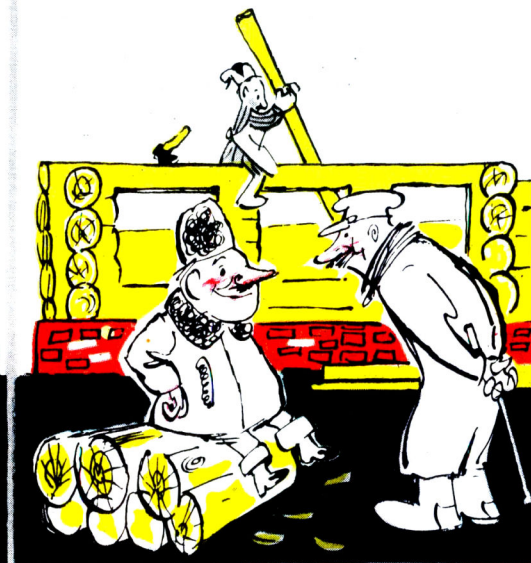
Но отвечать приходится. Независимо от того, что подкидывают по знакомству: простуду или кровельное железо.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ
Москва.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

— Вы, Иван Петрович, на кирпичном заводе работаете?
— Угадал!

— А теперь на лесокombинат перешли?
— Правильно!

— Я вижу, вы в хозяйственный магазин перекочевали?
— Скажи, Федотыч, как ты угадываешь?

ШАРЖИ ДРУГА НА ДРУЗЕЙ

«Кушай меня с маслом, рисуй с меня саржи», — говорит один из персонажей Аркадия Райкина. Венгерский карикатурист Каллуш понял просьбу артиста почти буквально. Есть актера даже с маслом он, правда, не пожелал, но дружеский шарж исполнил. И не только на Райкина, но также на других советских деятелей культуры и искусства, которым аплодировала Венгрия.

КРУПНОБЛОЧНЫЕ НАХОДКИ

Очень, очень нужны театру пьесы о современной молодежи. Стоит появиться в кругу театральных деятелей автору с молодежной пьесой, как на него бросаются режиссеры, вырывая друг у друга папку с воплем: «Чур, я первый!»

Театры могли бы смело рапортовать, что валовой план по молодежным спектаклям в двух последних сезонах перевыполнен. И это радует, бодрит и, если хотите, вселяет надежду.

С одной стороны, хочется ударить по этому поводу в литавры. И в торжественной обстановке под гром аплодисментов водрузить на нежную шею театральной музы лавровый венок. Или вручить почетную грамоту. Короче, как-то отметить. Но, с другой стороны, хочется в хор похвалить вносить неприятную для слуха сатирическую ноту.

Молодежная пьеса совсем еще юна. Можно сказать, что она переживает светлый период отрочества. Но, увы, дорогой читатель, за короткий период своего существования она как-то успела обрести густой щетиной драматургических штампов. Появились надоедливые ноты, проторенные тропы, отчеканенные по одной форме литературные и сценические фассы и профили, крупноблочные находки.

ШТАМП № 1. «ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО»

Герой должен где-то жить, точнее — проживать. Автор обязан выдать ему «вид на жительство». Один опытный драматург, перепутавший запросы театра с запросами кино, прописал своего героя в Сочи. И все было кончено. Пьесу освистали еще на подходе к зрительному залу.

— Ну какой же уважающий зрителя герой будет жить в курортном месте? — негодовали члены худсовета. — Что он: неженка? Неврастеник? Гипертоник?

Напрасно автор что-то доказывал и размахивал руками. Пьесу швырнули в корзину.

Видно, исходя из опыта этого печального происшествия, авторы стараются делать положительного героя уроженцем Сибири или Дальнего Востока. А если он имел несчастье родиться в крупном столичном центре, срочно, немедленно, еще в первом акте автор сует ему в руки чемодан и отправляет своего любимца на какую-нибудь крупную сибирскую новостройку. Чаще всего — в глухую тайгу. Что он там будет делать? Неважно. Главное — проводить героя на Казанский вокзал. Этого достаточно. Не нужно вдаваться в психологические нюансы и заниматься такой пустяковой, как обрисовка характера. Раз едет в Сибирь, оставляя трехкомнатную квартиру в Москве, значит, малый хороший.

Подобный сюжетный ход стал уже унифицированной драматургической деталью. Деталь эта вставлена в пьесу «Современные ребята». И деталь работает. Пьеса идет. Сразу после открытия занавеса высокоморальные ребята укладывают чемоданы, а никуда они остаются в городе. Так же ведут себя персонажи и в пьесе «Тростник на ветру». Дабы не скомпрометировать себя в глазах публики, они в первых же репликах заявляют о своем горячем желании поехать на какую-нибудь стройку...

Впрочем, наиболее отчаянные авторы допускают неслыханную вольность: они позволяют положительному герою некоторое время попользоваться ванной и мусоропроводом. Герман («Проводы белых ночей») и Лешманов («Вам 22, старики!») вроде бы и не собираются покидать обжитые места. Но, словно убоявшись, что зритель усомнится в высоких душевных качествах героев, авторы уже под занавес посылают их покупать билет на сибирский экспресс.

Возможно, зачинатели молодежной темы и явились своего рода театральными Ползуновыми, когда несколько лет назад в пьесах «В добрый час!» и «Продолжение легенды» послали своих героев в Сибирь. Но зритель не хочет каждый раз присутствовать при рождении паровой машины. Он хочет, чтобы на его глазах каждый раз совершались новые открытия.

ШТАМП № 2. «ЧУВАК № 131...»

А с другим драматургом произошел такой кошмарный случай. Его положительный герой где-то обронил реплику: «Я вчера купил себе красивый свитер».

До этого места чтение на худсовете шло гладко. Но как только автор прочитал, что положительный герой совершил столь опрометчивый поступок, наступило мертвое молчание. Наконец прозвенел голос худрука:

— Думаю, товарищи, дальше читать не надо! И пьесу зарубили. Ибо совершенно очевидно, что положительный герой не унизится до красивого свитера. Модная одежда — удел отрицательного героя. Пусть ее носят стилига.

Я не случайно заговорил о стилигах. Эта одинокая, сотни раз осмеянная фигура — другой апробированный драматургический штамп в пьесах о современных ребятах и девочках.

Растолкайте автора среди ночи и спросите его, кто должен быть отрицательным героем молодежной пьесы, — он вам скажет, не открывая глаз: стилига. Теперь легче найти в аптекарском магазине зубную щетку, чем пьесу без стилиги. За его хилой спиной на какое-то время спрятались другие носители пережитков: карьеристы, демагоги, очковиратели, подхалимы и подлецы.

С изображением отрицательных персонажей, скажем, А. Островскому приходилось туговато. Приходилось выдумывать черт знает какие сложные характеры, плести хитрое сюжетное кружево. Может быть, потому, что у него не было под рукой стилига.

Куда проще современным авторам молодежных пьес. Не надо ничего придумывать. Главное — одеть героя соответствующим образом. Желательно в заграничные тряпки. И все становится ясно. Как только такой тип выйдет на сцену, зритель сразу догадается, что от него ничего хорошего ждать нельзя. Такой не станет перевыполнять норму или спасать из огня голубей.

Одним словом, драматурги не балуют зрителей разнообразием отрицательных персонажей. Сравните Володю («Современные ребята»), Милого друга («Вам 22, старики!»), Германа («Проводы белых ночей»), фарцовщика («Гамлет из квартиры № 13»). Они похожи друг на друга, как дамские шляпки в магазине уцененных товаров. Чтобы запомнить всех «чуваков», их нужно пронумеровать. Чувак № 13, чувак № 22, чувак № 131.

«КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ...»

Зрителя нужно ошеломить. Если не пьесой, тогда постановкой. Нужны трюки. Чтобы зритель зашатался.

Почему-то постановщики молодежных пьес опасаются простого выхода артиста из-за кулис. Видимо, из-за боязни прослыть старомодными. Артист появляется из самых неожиданных мест: из зрительного зала, с балкона. Эффектнее было бы, конечно, спустить его на парашюте, но... не хватает технических средств.

Здесь нет попытки поставить под сомнение право постановщика на поиски. Но новые формы в молодежных спектаклях почему-то быстро превратились в унифицированные постановочные узлы.

В спектакле «Опасный возраст» сцена превращена во вращающийся круг, каждый сектор которого выносит новые декорации. Постановщики «Чемодана с наклейками» тоже решили, что этот свеженький постановочный прием как нельзя лучше подходит к новой пьесе. Круг украшает и спектакли театра Ленинского комсомола «Гамлет из квартиры № 13», «Вам 22, старики!». Доильный круг на каждой животноводческой ферме — это хорошо. Круг на каждой сцене, в каждом спектакле — недюже.

* * *

Автор не подвергает сомнению художественные достоинства и идейную полноценность перечисленных выше произведений. Он ведет разговор только о деталях, может быть, и не таких уж важных, но отштампованных по одной форме. А зритель не хочет ни большой, ни малой механизации в искусстве. Он за разнообразие творческих приемов. Зритель это любит. Такой уж у него капризный нрав. И с этим надо считаться, товарищи.

Рецензент

Аркадий РАЙКИН

Василий СОЛОВЬЕВ-СЕДОВ

Арно БАБАДЖАНЫН

Гоар ГАСПАРЯН

Юрий МИЛЮТИН

ПРЕДЛАГАЕМ СВОИ УСЛУГИ...

В предыдущем, седьмом номере Крокодила был опубликован фельетон-репортаж А. Голуба «Что печатно удостоверяется...». Автор сообщил о новаторском методе уборки кукурузы и сахарной свеклы, применяемом директором совхоза «Селезневский», Тамбовской области, Г. С. Лавровым.

Смекалистый директор убирал пропашные с помощью обыкновенной авторучки и круглой печати. Он отмечал в соответствующей графе бланка государственной отчетности, что, дескать, совхоз убрал весь урожай дочиства, торжественно расписывался и ставил печать. А тем временем десетки гектаров сахарной свеклы и отличной кукурузы с початками оставались в поле под снегом.

Репортаж «Что печатно удостоверяется...» еще готовился к печати, а в совхоз «Селезневский» уже нагрянул главный агроном Тамбовского производственного управления Б. И. Умнов.

— Где у вас неубранная кукуруза? — запыхавшись, спросил он.

— Да это ведь не у нас, а в соседнем совхозе — «Тамбовском», — не растерялся Лавров. — Крокодил принял их поля за наши! Убедитесь сами!

Главного агронома тут же усадили в сани и на рысях отправили в совхоз «Тамбовский». И действительно, покружив по полям, он увидел там тридцать шесть гектаров неубранной кукурузы с початками. Поблагодарив Г. С. Лаврова за разъяснение, главный агроном управления помчался давать нагоняй бесхозяйственным руководителям совхоза «Тамбовский», а директор совхоза «Селезневский», весело ухмыльнувшись, снял телефонную трубку и переговорил с Крокодилом.

— Мы, конечно, критику признаем и уважаем, — сказал он, — но зачем на нас чужих собак вешать? Вы же сфотографировали не нашу кукурузу! Это может подтвердить главный агроном производственного управления!

Редакция связалась по телефону с Б. И. Умновым.

— Да, — заявил он, — по-видимому, вы ошиблись! Мы общались все селезневские поля, но

неубранной кукурузы там найти не можем!

Крокодилу вновь пришлось снаряжать своего корреспондента А. Голуба в дорогу на помощь руководителям Тамбовского производственного управления. Вместе с корреспондентом на поля пожелали проехать главный агроном Б. И. Умнов, заместитель секретаря парткома производственного управления И. А. Найденов и работник областного управления ЦСУ Е. А. Кацельман.

Не прошло и двух часов, как поисковая экспедиция на двух санях, запряженных резвыми лошадами, лихо подкатила к заснеженному кукурузному полю. Принадлежало это поле совхозу «Селезневский», и размерами оно было раза в три больше того, на которое главный агроном Умнов наткнулся в совхозе «Тамбовский».

Таким образом, руководители Тамбовского производственного управления, разыскивая одно поле, нашли целых два. Так сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Кстати, доводим до сведения этих руководителей. Услуги по розыску неубранных полей кукурузы Крокодил оказал безвозмездно. 32 рубля 50 копеек, израсходованные на вторичную внеплановую командировку корреспондента в Тамбов, просим перечислить по адресу: Москва, издательство «Правда», расчетный счет Крокодила. Разумеется, из собственных средств, а не государственных.

Когда эта заметка была уже набрана, в редакции снова зазвонил телефон. На этот раз говорили из Тамбовского сельского обкома партии. Секретарь обкома тов. Сепелев сообщил, что бюро обкома, рассмотрев положение с уборкой кукурузы в совхозах «Селезневский» и «Тамбовский», приняло развернутое решение. Директор совхоза «Селезневский» тов. Лавров за очковитательство снят с работы, и ему объявлен строгий выговор. Секретарю парткома совхоза тов. Наробову объявлен выговор. Директору совхоза «Тамбовский», тов. Овчарову и секретарю парткома этого совхоза тов. Горелину также объявлены партийные взыскания. Бюро указало начальнику Тамбовского производственного управления тов. Карпову и заместителю секретаря парткома управления тов. Найденову на плохой контроль за работой совхозов. Бюро обкома КПСС приняло к сведению заявление прокурора области тов. Николаева, что по фактам, опубликованным в Крокодиле, возбуждено следствие и что виновные будут привлечены к уголовной ответственности.

«ДИАНА НА ЗАРПЛАТЕ»

Вы помните, дорогие читатели, фельетон под таким названием из третьего номера журнала? Речь в нем шла совсем не о вечно юной мифической Диане, а о Диане ставропольской. Она была вполне современна и довольно расчетлива. Служила Диана егерем и обирала флору и фауну, как только могла. В фельетоне ставился вопрос о том, что пора уже более широко привлекать общественность к охране природных богатств, передать по примеру Московской, Ивановской и Тульской областей уголья охотничьим обществам.

Крокодил получил много откликов на этот фельетон. Часть из них мы и печатаем сегодня.

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА заседания совета республиканского общества охотников и рыболовов.

ПОСТАНОВИЛИ: Довести до сведения редакции журнала «Крокодил», что совет Северо-Осетинского республиканского общества охотников и рыболовов полностью разделяет мысли, изложенные в статье, и поддерживает предложение о передаче егерской службы Госохотинспекций Росохотрыблосоюзу.

Председатель собрания Горохов, секретарь Каюков».

«Если следовать этой статье и ликвидировать егерскую службу, то в центральной части РСФСР всем охотникам нужно поголовно сдать ружья. Иначе в короткий срок никакой дичи в охотничьих угольях не останется.

Член общества охотников А. Черников
С. Советское, Бугурусланского района, Оренбургской области».

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА заседания совета Ставропольского краевого общества охотников и рыболовов от 19 февраля 1963 года.

Заслушав и обсудив статью «Диана на зарплате», краевой совет отмечает:

В статье совершенно правильно

ставится вопрос о передаче егерских участков Госохотинспекции обществ охотников.

Ставропольский краевой совет считает, что там, где общества экономически и организационно окрепли, это мероприятие надо проводить.

Председатель М. Рождественский, секретарь Х. Федорин».

«Совету Министров РСФСР Редактору журнала «Крокодил» Статья «Диана на зарплате» опубликована без достаточных и тому оснований и невольно нанесла ущерб охотничьему хозяйству. Егерскую службу ликвидировать нельзя; рано. Если в профсоюзных и других организациях общественность подготовлена и выполнению ряда государственных функций и они ей постепенно передаются, то этого нет еще в охотничьих организациях.

Я понимаю, «Крокодила» надули. Что делать, он тоже не лишен человеческой слабости. Необходимо немедленно поручить компетентным товарищам разобраться в делах охотничьих.

Главный госохотинспектор при Курском (сельском) облисполкоме Стародубченко».

«Охотники Украины за последние два года, ликвидировав обезличку в пользовании угольями, стали вести многие охотничьи хозяйства на общественных началах. Мы, на Украине, силами общественности охраняем около 33 миллионов гектаров угодий, где нет «Дианы на зарплате», где все делается самими охотниками и внештатными егерями.

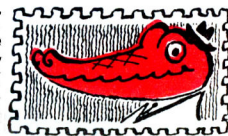
Мы поддерживаем выступление Крокодила и уверены, что процесс передачи угодий под общественную охрану распространится по всей стране.

Председатель республиканского совета украинского Общества охотников и рыболовов А. Шевченко».

Как видите, дорогие читатели, отклики на фельетон «Диана на зарплате» довольно противоречивы. Это еще раз подтверждает, что пора поручить компетентным товарищам разобраться в делах охотничьих».

ПО ПОЧТЕ И ТЕЛЕФОНУ

ИЗ ПЕНЗЫ. Партком КПСС Каменского производственного управления Пензенской области признал факты, изложенные в фельетоне «Невезучий председатель» (Крокодил № 2), правильными. Секретарь парткома С. Сивев сообщил, что «за допущенные потери при уборке сахарной свеклы, большой падеж скота, злоупотребление служебным положением председателем колхоза А. В. Малинин от работы освобожден».

ИЗ ВЛАДИМИРА позвонил заместитель председателя сельского облисполкома М. Смурыгин. — Действительно, мы затянули электрификацию деревни Большие Рылухи, Никологорского района, — сказал он. — Это произошло по вине правления колхоза «Красный Октябрь». Ты, Крокодил, правильно покритиковал нас за это в № 33 за прошлый год. Теперь все в порядке. Меры приняты.

Официальное письмо, поступившее затем в Крокодил из Владимирского облисполкома, подтвердило: «Колхоз уже снабжен оборудованием для полной электрификации деревень Б. Рылухи, Ф. Рамень, Пешково и Ежово; бригада монтажников приступила к работам. Да будет в скором времени свет у вас, товарищи!»

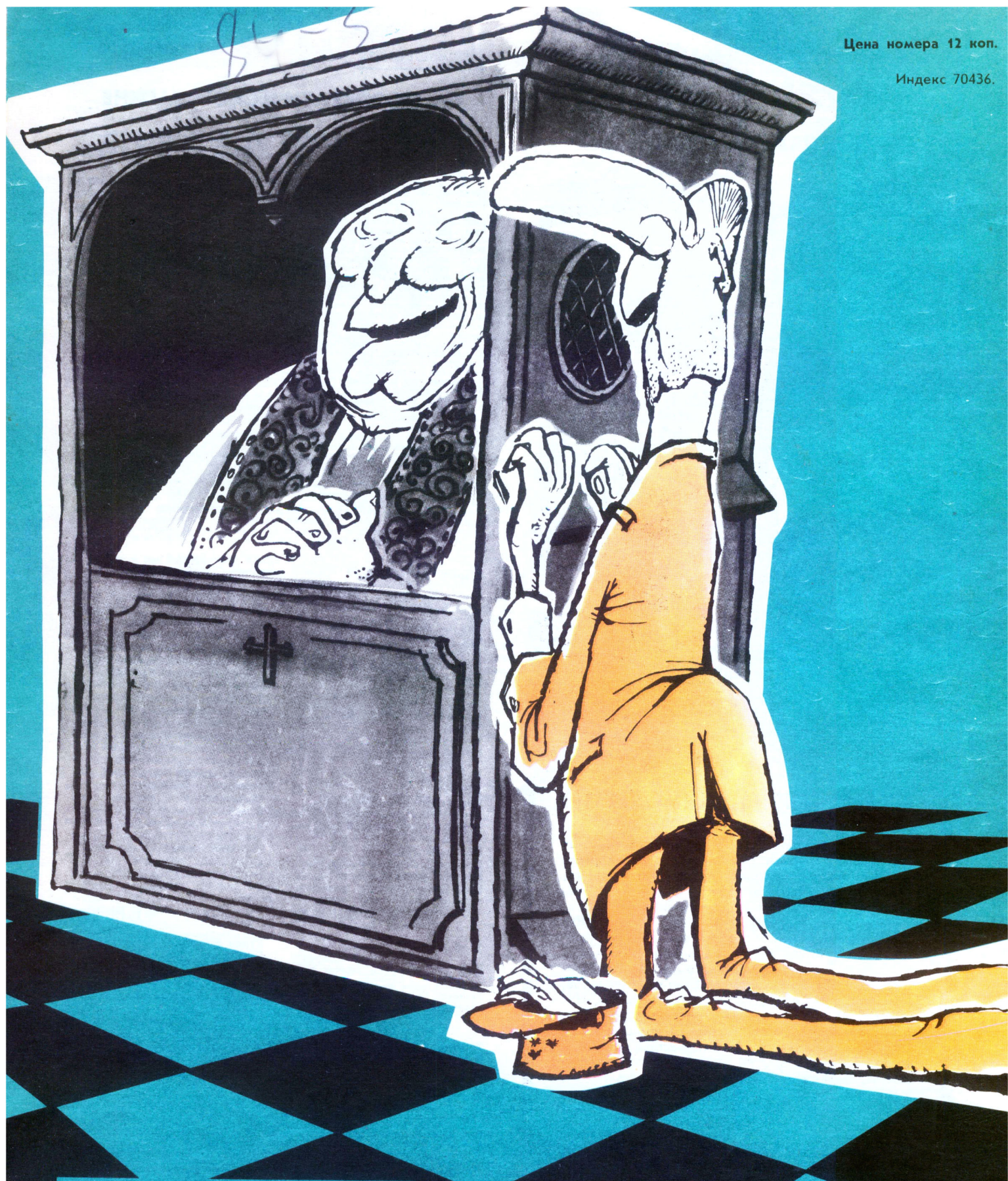
ИЗ ТАЛЛИНА. По фельетону «Терем-теремон, а кто в нем живет?» (Крокодил № 35, 1962 год) президиум Центрального Комитета Компартии Эстонии принял специальное постановление.

Крокодил был прав. Отобрав у тунеядца дом, председатель Таллинского горсовета тов. Ундуск за полтора года так и не удосужился отремонтировать его и открыть детский сад. Президиум ЦК обязал тов. Ундуску в течение двух месяцев закончить переоборудование дома и потребовал от горисполкома «более оперативного и продуманного решения вопросов, связанных с использованием конфискованных домов».

5 апреля установленный Таллинскому горисполкомом двухмесячный срок истекает. Не забудьте пригласить меня, тов. Ундуску, на открытие детского сада! Обязательно приеду! С персональными цветами для руководителей горисполкома и конфетами для детей.

Цена номера 12 коп.

Индекс 70436.

ИСПОВЕДЬ ГРЕШНИКА
— А еще я воевал с Гитлером...

Рисунок Э. ОСИСА
из латвийского журнала «Дадзис»